

вающее не выходить за рамки обобщенной, безличной насмешки: «Нам, друг, должно писать поосторожнее и никого в лицо не трогать, а описывать погрешности, поправления требующие», — поучает Кривой бес Хромого в 5-м (июльском) письме (VII, 23). В августовской полемике со «Всеякой всячиной» Эмин, защищая правомерность сатиры «на лица», предупреждал тем не менее читателей о том, что его бесы «описывают вообще пороки и разные злоупотребления».⁴⁶ Той же линии придерживался Эмин и в программном ответе Правдолюбову, открывающем декабрьский выпуск. Выступая принципиальным сторонником сатиры «на лица», он еще раз сделал оговорку о том, что сам ее в журнале избегал: «И ежели правосудие, лучшее в сожитии общенародном божество, за злодеяние наказует злодея, то я не знаю, для чего беспристрастным писателям, верным сего божества услужникам, должно, по мнению многих, вина пороки, извинять порочных и несправедливую оным делать потачку? <...> И ежели в ежемесячном моем издании не только в лице никто не тронут, но и особливого ни о ком описания в нем нет, а в каждом письме каждое почти приключение перемешано с разными посторонними случаями так, чтоб порочный не себя самого, но только порок свой видеть мог, то я не знаю, почему вы такое издание называете ругательством и для чего оное толь много вас огорчило?» (XII, 332, 335—336). И наконец, в заключительном письме (№ 112) Эмин опять напомнил, что нигде не имел в виду конкретных лиц: «Знатных и в правлении великие места имеющих людей мы никогда в лице не трогали <...> иногда мы только оным напоминали о пороках вообще, чтоб они, об оных не позабывая, от зла, каждому человеку случиться могущему, оберегались. Главное наше намерение было иметь дело с пороками, оные мы часто в разных особах анатомили, чтоб показать другим, с которой стороны и в каком составе может печально явиться такой припадок, который целое тело повредить может» (XII, 381—382).

П. Н. Берков придерживался мнения, что подобные декларации издателей сатирических журналов того времени нельзя принимать в буквальном смысле, и в подтверждение проанализировал описанный в письме № 65 характер Фортунпада, вскрыв вслед за Г. А. Гуковским искусно завуалированные, как представлялось обоим ученым, намеки на А. Г. Разумовского.⁴⁷ Однако сопоставление с французским текстом если и не ставит полностью под сомнение его остроумные построения, то во всяком случае лишает их в сильной степени доказательности, возвращая доверие к заявлениям Эмина.

О Фортунпаде говорится: «Сей человек известный счастьем, которое лет с двадцать ему все приятства оказывает, хотя, как

⁴⁶ См. примеч. 26.

⁴⁷ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 169—170; Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков, с. 86.